

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Алмюэль Фулливер, судовой врач и искатель
приключений, после кораблекрушения попал в плен
и подвергся обстрелу*

мой отец владел небольшим поместьем в Ноттингемшире; я был третьим из пяти его сыновей. Когда мне минуло четырнадцать лет, он отправил меня в Кембриджский университет, где я с головой погрузился в учёбу. К сожалению, отец мой был небогат и не смог полностью оплатить моё образование. Через три года мне пришлось оставить Кембридж и отправиться в Лондон, чтобы продолжить обучение у выдающегося хирурга Джеймса Бэйтса. Я провёл в Лондоне четыре года и изучил всё, что требовалось знать младшему военному врачу. Отец время от времени присылал мне небольшие суммы, которые я тратил на приобретение книг по математике и навигации. Эти науки были необходимы путешественникам, а я уже давно решил, что рано или поздно увижу весь мир.

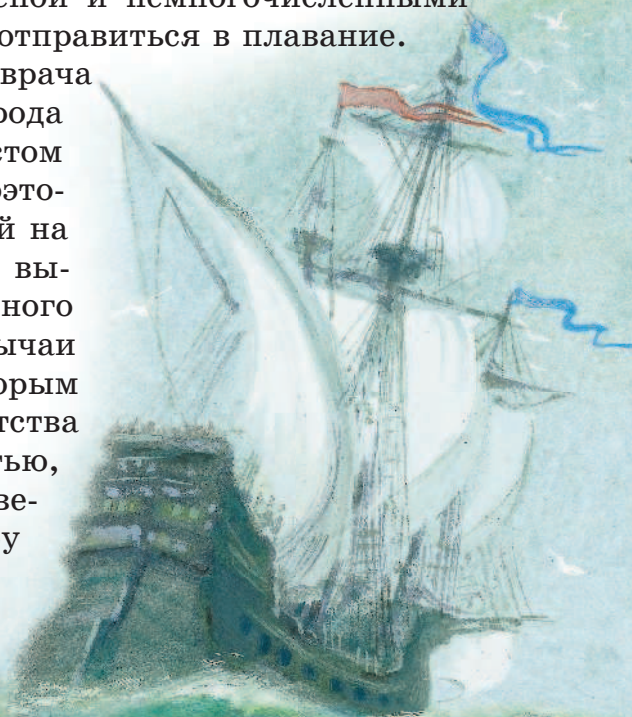
Спустя четыре года я вернулся домой, но вскоре отправился в Лейден, в Голландию. Там я около трёх лет изучал физику, так как был уверен, что это обязательно пригодится мне в долгих странствиях, а затем три с половиной года служил судовым врачом. После нескольких плаваний, в которых я побывал, я решил

поселиться в Лондоне. Мистер Бэйтс порекомендовал меня нескольким своим пациентам, так что у меня появилась собственная небольшая практика. Я снял квартиру на Олд-Джеври-стрит и вскоре женился на мисс Мэри Бёртон, которая принесла мне четыреста фунтов приданого.

Но два года спустя мой добрый ангел мистер Бэйтс внезапно скончался. Друзей у меня было немного, а врачебная практика приносила всё меньше и меньше дохода. Посоветовавшись с женой и немногочисленными приятелями, я решил снова отправиться в плавание.

В должности судового врача я прослужил шесть лет. Природа наградила меня высоким ростом и отменным здоровьем, поэтому тяготы долгих странствий на мне не сказывались. Когда выпадали минуты отдыха, я много читал и старался изучить обычаи и языки тех народов, к которым нас заносила судьба. С детства я обладал прекрасной памятью, и мне было достаточно провести среди чужого народа пару недель, чтобы начать понимать новый язык и суметь на нём объясниться.

Самое замечательное плавание, которое навсегда осталось в моей памяти, началось 4 мая 1699 года. Наш корабль «Антилопа» вышел из Бристоля и направился к южным морям. Поначалу всё шло прекрасно, но у самых берегов Ост-Индии «Антилопа» попала в страшный шторм. Беспощадный ветер безостановочно гнал её всё дальше и дальше, как нам казалось, к северо-востоку от Земли Ван-Димена. В густом тумане наш корабль наскочил на рифы и разбился. Мне и пятерым моим товарищам удалось спустить на воду шлюпку, мы налегли на вёсла и успели отойти от скалы и тонущего корабля. Но уже через полчаса наша шлюпка была перевернута мощной волной.

Не знаю, что стало с моими товарищами по несчастью. Я плыл куда глаза глядят, то и дело пытаюсь нащупать ногами дно, и наконец коснулся земли. Я был спасён! Примерно милю я шёл вброд и только часам к восьми вечера выбрался на берег. Нигде не было видно ни людей, ни жилья, хотя, возможно, я просто слишком устал, чтобы замечать хоть что-то. Пройдя ещё около полумили вглубь берега, я бросился на мягкую траву и тотчас заснул.

Я проспал примерно девять часов и проснулся, когда было уже совсем светло. Я хотел подняться, но внезапно понял, что не могу даже пошевелиться.

Я лежал на спине; мои руки, ноги и даже длинные волосы были крепко-накрепко привязаны множеством крепких шнурков к вбитым в землю колышкам; такие же тонкие, но прочные шнурки опутали всё моё тело.

Послышались неясные звуки, но я не мог посмотреть, откуда они доносились. Вдруг что-то пробежало

по моей ноге, затем по груди и взобралось на самый подбородок. Опустив глаза, насколько было возможно, я увидел, что это маленький человечек, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелами в руках и колчаном за спиной! Вслед за ним по мне карабкались ещё по меньшей мере сорок таких же существ. В крайнем изумлении я вскрикнул, и они в ужасе кинулись в разные стороны (как я узнал позже, некоторые из них попадали с меня на землю, сильно ушиблись и долго болели). Однако вскоре они вернулись, и один из них, самый отважный, приблизившись к моему лицу, вскинул вверх

руки и закричал пронзительно, но отчётливо: «Гекина дегуль!» — и остальные повторили за ним эти слова

Приложив немалые усилия, я смог, наконец, высвободить левую руку и немного повернуть голову вправо. Маленькие человечки, окружавшие меня, с пронзительными криками бросились врассыпную, словно стая испуганных птиц. Но в тот же миг кто-то закричал: «Только фонак!» — и словно целая сотня комаров впилась мне в руку. Разумеется, это были не комары, а стрелы. При следующем залпе несколько стрел попали мне в лицо, хоть я и прикрывал его ладонью. Человечки кололи меня копьями в бока, но моя прочная кожаная куртка сводила на нет все их усилия.

Я решил, что разумнее будет лежать спокойно, молчать и ждать ночи: может быть, тогда мне удастся найти какой-нибудь выход.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Булливера накормили и под усиленной охраной
отправили в столицу*

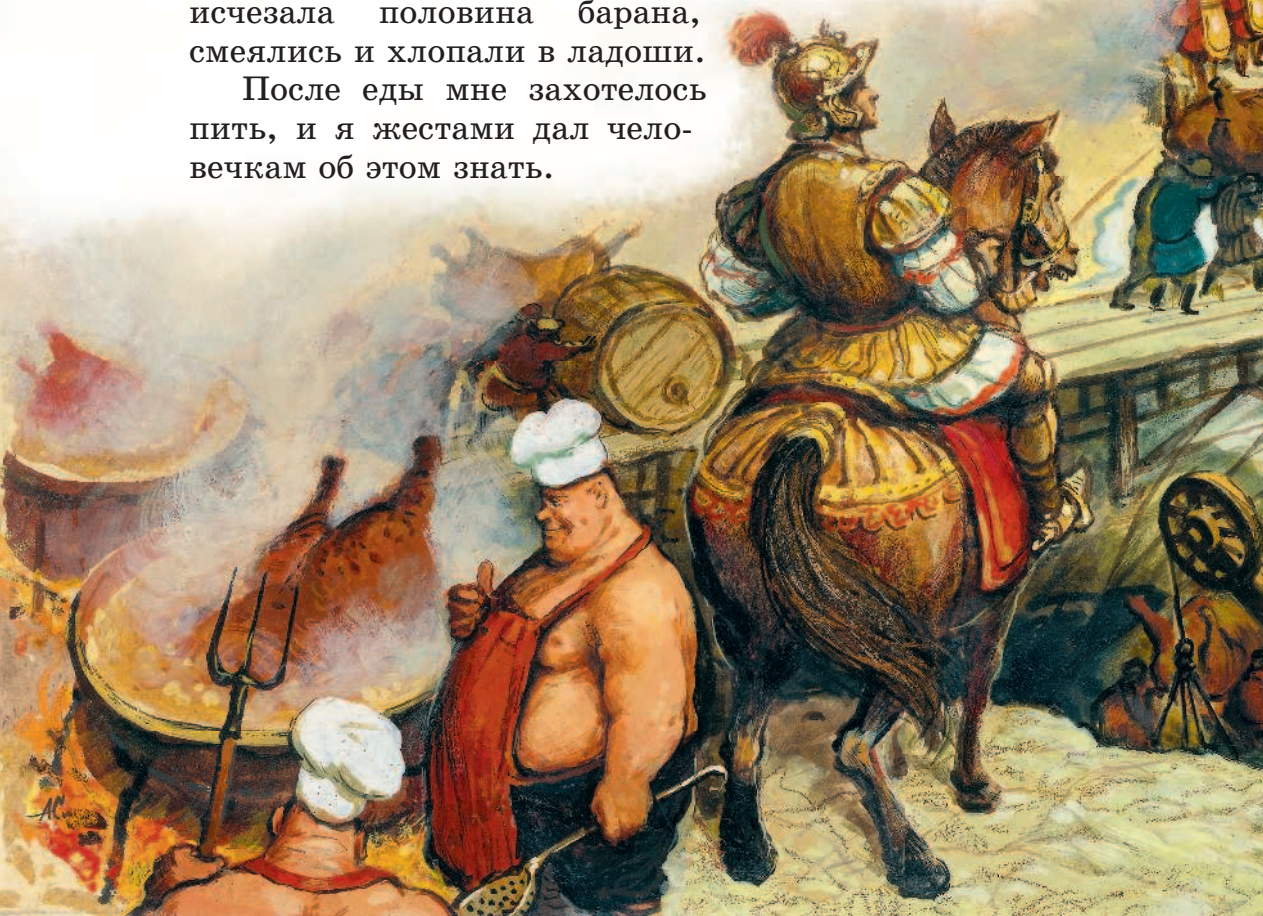
Между тем количество окружавших меня крошечных человечков всё увеличивалось, и мне казалось, что поблизости жужжит пчелиный рой. Затем справа раздался стук и продолжался около часа. Повернув голову насколько возможно, я увидел напротив своего лица помост, верх которого находился приблизительно на уровне моего носа. Один из человечков, по-видимому, очень знатный, поскольку паж нёс за ним длинный шлейф, взошёл на трибуну и заговорил. Речь его была длинная, понять её я, конечно, не мог, но запомнил фразу, которую знатный господин в начале речи трижды прокричал похожим на щебетание канарейки голосом: «Лангро дегуль сан!» По интонации, жестам, грозному движению бровей я всё-таки догадался, что меня о чём-то предупреждают и даже, похоже, в случае сопротивления обещают применить силу.

Я хотел было ответить, но от первых же произнесённых мною звуков трибуна зашаталась, а стоявшие вокруг знатной особы человечки поспешили зажать ладошками уши. Тогда я перешёл на шёпот, произнёс несколько смиренных слов и поднял к небу свободную

руку, призывая солнце в свидетели своих добрых намерений. После этого я постарался объяснить им, что страшно голоден: подносил несколько раз палец ко рту и делал жевательные движения челюстями. Гурго — так называют всех важных господ, как я потом узнал, — меня понял; тотчас к моему туловищу были приставлены лестницы, и более ста человек стали подносить мне разные яства: множество окороков, жареных баранов, разрубленных пополам, и волов, разрубленных на четверти. Всё было превосходно приготовлено и очень вкусно.

Я проглатывал по два-три блюда разом и заедал мясо целыми караваями хлеба, которые были не больше некрупной вишни. Человечки стояли вокруг, кричали и махали руками, изумляясь моему аппетиту, а каждый раз, когда у меня во рту исчезала половина барана, смеялись и хлопали в ладоши.

После еды мне захотелось пить, и я жестами дал человечкам об этом знать.

Они тотчас притащили громадный, по их понятиям, кубок величиной не больше напёрстка. О нём у туземцев сложилась легенда, что когда-то некий музыкант выпил его залпом. Они поняли, что тех нескольких капель, что его наполняли, мне не хватит, и подкатили бочку, вмещавшую около половины чайной чашки. Я осушил её одним глотком и попросил вторую, затем третью, но мне не дали, так как больше у них не оказалось. Пока я пил, туземцы с криками радости танцевали у меня на груди и то и дело повторяли: «Гекина дегуль!» Жестами они попросили сбросить пустые бочки вниз, но вначале предупредили тех, кто был внизу, криками «Бора мевола!» Когда бочки взлетели в воздух, все дружно прокричали: «Гекина дегуль!» Когда ни есть, ни пить стало нечего, человечки вновь вскарабкались на меня и, выражая своё удовольствие, принялись плясать у меня на животе.

Меня так раздражала щекотка, что несколько раз я порывался схватить в горсть этих назойливых визитёров и бросить на землю, но во время одумывался: во-первых, я пообещал им не сопротивляться, а во-вторых, они меня накормили и следовало выказать

